

Шабасова, М. А. Российские и славянские исследования в Соединенных Штатах: история и современность / М. А. Шабасова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2012. — С. 127-133.

М. А. ШАБАСОВА

РОССИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

До начала холодной войны изучение России в США занимало незначительное место. С середины XIX в. Соединенные Штаты проводили политику изоляционизма, интересуясь в основном тем, что происходило на американском континенте, и отстраняясь от европейских проблем.

Тем не менее одиночные попытки развить славистику в целом и руссиеведение, в частности, предпринимались уже с конца XIX в. В это время в американском обществе, ранее доброжелательно смотревшему на страну, соперничавшую с Англией, поддержавшую Север во время Гражданской войны и продавшую за бесценок Аляску, стали проявляться по отношению к России подозрительность и неприязненность [5, с. 66]. Такие изменения были связаны с негативной оценкой царского режима, столь чуждого американцам, с самого начала своей истории превозносившими демократию и свободу личности. Масла в огонь подливали распространение сведений о погромах 1880-х гг. и наплыв еврейских эмигрантов, спасавшихся от преследования царских властей бегством в Новый Свет [5, с. 66]. Переломить ситуацию и не допустить разрастания русофобских настроений попытался Ч. Крейн, американский дипломат, промышленник и коллекционер. За свою жизнь он посетил Россию и СССР более двадцати раз, активно поддерживал белое движение и даже выкупил у советского правительства колокола Свято-Даниловского монастыря для Гарвардского университета [8]. Ч. Крейн считал предубежденность против России неоправданной. Начиная с

Шабасова Марына Аляксеёўна — старшы выкладчык кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

1891 г. он предпринимал шаги, чтобы основать в США первый центр для изучения России. В начале XX в. Ч. Крейн приглашал для чтения лекций в Чикагском университете известных политических деятелей и ученых М. Ковалевского, П. Милюкова, Т. Масарика [5, с. 66].

Однако основоположником российских и восточнославянских исследований в США считается профессор Гарвардского университета А. Кулидж. С 1894 г. он включил историю России в свой лекционный курс и поощрял своих аспирантов к проведению российских исследований. Впоследствии двое наиболее известных студентов А. Кулиджа — У. Лангер и Р. Кернер — стали готовить специалистов по русской истории в Гарварде и Беркли. Ученик А. Кулиджа Ф. Голдер заложил основы Американского Института библиотековедения при Стэндфордском университете [6].

Преподавание русского языка и русской истории еще до первой мировой войны началось в Колумбийском университете. С 1901 г. русский язык, литература и история стали преподаваться в Калифорнийском университете в Беркли. Хотя постоянных преподавателей не было, курсы каждый год возобновлялись. В 1928 г. на исторический факультет был принят Р. Кернер, который создал «историческую школу Беркли».

Принято считать, что скачкообразный рост интереса к восточноевропейскому региону наблюдается с началом холодной войны, когда США окончательно поставили точку на изоляционистской политике и вышли на международную арену в качестве мирового лидера. Однако это не совсем верно. Фундамент послевоенной американской советологии был заложен еще во время Второй мировой войны. В это время число беженцев из Европы в США возросло. В Америку переместилась издательская активность. В 1941 г. появились такие крупные научные периодические издания, как «Российское обозрение» (Russian Review), «Украинский кварталник» (Ukrainian Quarterly), «Славянский ежегодник» (Slavic Year-Book), ставший прообразом крупнейшего журнала «Славянское обозрение» (Slavic Review), современное название с 1961 г.). В военные годы американское правительство и спецслужбы еще не имели острой заинтересованности в знаниях о СССР. Издание журнала «Российское обозрение» было сопряжено с большими трудностями. Возникли проблемы со сбором материалов и привлечением к работе авторов. В разгар войны никому не хотелось быть заподозренным в негативном отношении к Советскому Союзу [4, с. 52–59].

В 1943 г. историк Дж. Робинсон, возглавлявший Советский отдел Управления разведывательных служб, и его команда сформулировали

методологические основы советологии. В 1943–1944 гг. в университете Корнелла была организована программа «российских исследований», утвердившая междисциплинарный характер советологии.

В условиях угрозы ядерной войны и идеологической борьбы было необходимо срочно заполнить пробелы в изучении СССР и всего социалистического лагеря. Со второй половины 1940-х гг. при американских университетах начали создаваться научные центры, занимавшиеся исследованием стран, заявивших о своем намерении построить коммунизм. Появление и эффективная деятельность исследовательских центров и организаций стала возможной при поддержке университетской администрации, фондов (Форда, Карнеги, Рокфеллера) и правительства [1].

Первым центром, целенаправленно занимавшимся «российскими и восточнославянскими исследованиями», стал Русский институт при Колумбийском университете, ныне известный как Институт Харримана. Институт был основан в 1946 г. при поддержке фонда Рокфеллера. Его первым директором был Дж. Робинсон. В качестве своих основополагающих целей Институт объявлял, во-первых, развитие знаний о России через скоординированную исследовательскую работу преподавателей и студентов и, во-вторых, обучение американских специалистов, которые будут проводить значимые исследования региона [2].

Другим престижным центром, специализировавшимся на «российских и восточноевропейских исследованиях», был Русский исследовательский центр, основанный в 1948 г. в Гарвардском университете при поддержке Фонда Карнеги. Его первым директором был антрополог К. Клухон. Центр был призван осуществлять междисциплинарное изучение региона, и под его крышей должны были собраться ученые, представлявшие разные дисциплины. В 1950–1960-е гг. все более или менее крупные университеты США обзавелись центрами, занимавшимися изучением коммунистических стран. Крупнейшие исследовательские центры были созданы при Чикагском, Стэнфордском, Мичиганском, Питсбургском, Канзасском и других университетах. Самыми крупными и престижными считались научно-исследовательские центры и институты Колумбийского, Гарвардского, Индианского (Блумингтон), Нью-Йоркского, Вашингтонского и Калифорнийского (Беркли) университетов. Для координации проведения советологических исследований в 1948 г. была основана Американская ассоциация развития славяноведения (American Association for the Advancement of Slavic Studies (AAASS)), являющаяся и сегодня крупнейшей организацией, объединяющей славистов.

В 1958 г. между СССР и Соединенными Штатами было подписано первое соглашение о культурном обмене. После четырех лет практики культурного обмена в нем приняли участие двести человек, а к 1975 г. — одна тысяча [5, с. 77]. Поворотным моментом в развитии центров «российских и восточнославянских исследований» стало принятие в 1958 г. «Акта об образовании в интересах национальной обороны (National Defense Education Act)», ставшего ответом на запуск Советским Союзом искусственного спутника 4 октября 1957 г. Американское общество и правительство, ранее уверенные в собственном превосходстве над советской державой, испытали неприятное удивление и в полной мере осознали свою неоправданную недооценку противника. В США возникла убежденность, что советская средняя и высшая школы превосходят американские, и в связи с этим должны были незамедлительно быть предприняты меры по улучшению качества образования в США.

Согласно «Акту об образовании...» правительство должно было оказывать помощь государственным и частным учебным заведениям всех уровней. Прежде всего стимулировалось развитие естественных наук, математики и иностранных языков. Названный Акт также предполагал поддержку технических дисциплин, региональных исследований, географии, английского языка для иностранцев, школьных библиотек и библиотечного дела, а также образовательных медиацентров.

В рамках «Акта об образовании...» «российские исследования» должны были получить всевозможные преференции и федеральную финансовую поддержку, поскольку в первую очередь США намеревались обороняться именно от советской угрозы.

В 1968 г. была создана Международная организация научных исследований и обменов (IREX), которая занималась администрированием обменных программ между Соединенными Штатами, с одной стороны, и СССР и государствами Восточной Европы — с другой. В 1970–1980-е гг. наблюдалось поступательное развитие советологической организационной структуры. Неуклонно росло количество специалистов-советологов. Впоследствии интерес к Советскому Союзу, незамедлительно сказывавшийся на инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований», заметно оживал на очередном витке холодной войны. К примеру, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. американские фонды произвели большие вливания в крупнейшие советологические центры. Финансовые средства шли на разработку новых программ и гранты для студентов и преподавателей. В 1983 г. была введена программа Title VIII («Акт о советских и восточнославянских исследованиях»), направлен-

ная на поддержку исследований, могущих способствовать правительству США в выработке правильного политического курса. Программа дала возможность многим американским ученым учиться в Вашингтоне и пользоваться редкими материалами, недоступными вне столицы. В справочнике «Американские советологи» утверждалось, что к 1990 г. в США насчитывалось 10 тыс. советологов, 3 тыс. из которых были членами Американской ассоциации углубленных славянских исследований [3, с. 6].

В начале 1990-х гг. в инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований» произошли изменения, связанные с финансовым положением научных центров и с организацией их деятельности.

Отсутствие «врага» делало дальнейшие крупные затраты на изучение региона нецелесообразными. После распада СССР большую тревогу стал вызывать пестрый и беспокойный мусульманский мир. При появившихся возможностях контакта с российским населением и элитами, расширившемся доступе к архивам отсутствие средств поставило под угрозу эффективность «российских исследований». Б. Рубл отмечал, что «в конечном счете на текущий момент все упирается в деньги. Средств, достаточных для реализации всех достойных проектов в нашей области, сегодня нет ни у Института Кеннана, ни у других подобных центров. Боюсь, что большинство из тех людей, которые, как и я, занимаются административной работой в сфере исследований и поддержания контактов с их спонсорами, сегодня вынуждены все больше времени тратить на поиск источников финансирования» [7].

Между тем, справедливости ради, нужно отметить, что «российские и восточноевропейские исследования» не были брошены на произвол судьбы, они дотировались различными фондами. Дж. Бреслауэр и В. Боннелл отмечали, что министерство образования Соединенных Штатов и после распада СССР продолжает поддерживать организации, занимающиеся исследованиями региона. По-прежнему действует VI статья, появившаяся в 1958 г. как часть «Акта об образовании...» и нацеленная на обеспечение качественного образования, необходимого для защиты национальных интересов [1].

В 1990-е гг. появился несвойственный для советологии источник финансирования — деньги на исследования России стали выделяться из российских источников. Целью вкладывания капиталов в научные разработки стало желание повлиять на внешнеполитические решения США. Б. Рубл полагал, что со временем влияние российских денег на американские научные и аналитические организации будет еще боль-

шим, поскольку «традиционные источники поддержки российских исследований в Соединенных Штатах иссякают» [9].

В 1990–2000-е гг. инфраструктура «российских исследований» сохранилась в практически неизменном виде. Научные центры не были подвергнуты тотальному закрытию. Более того, после распада СССР продолжали открываться новые исследовательские единицы. В 2004 г. при Вашингтонском университете был основан Эллисон центр, призванный к изучению стран Центральной и Восточной Европы, Балтийского региона, Кавказа, Центральной Азии, России, пониманию их имперского и коммунистического наследия и анализу появляющихся институтов и идентичностей, определяющих облик Евразии.

Исследовательские центры столкнулись и с достаточно серьезной реструктуризацией. Это было связано с распадом некогда гомогенного коммунистического пространства на ряд регионов с разными целями и видением своего будущего. Сразу обозначились различия в путях развития постсоветского пространства и бывших саттелитов Советского Союза. При более пристальном рассмотрении можно было выделить прибалтийские республики, Кавказ, Центральную Азию, постсоветские славянские государства — Россию, Украину и Беларусь, государства Вышеградской четверки, страны Юго-Восточной Европы — Болгарию, Румынию и бывшую Югославию, за исключением Хорватии и Словении, которые по направленности и результатам своего развития смыкаются с Вышеградской группой.

Из изменений, произошедших в инфраструктуре, можно отметить переименование исследовательских центров в организации. Поскольку понятия «советский» и «коммунистический» стали достоянием истории, то в названия стали включаться определения, относящиеся к географическим или этническим характеристикам региона, такие как «славянский», «российский», «восточноевропейский», «евразийский».

Таким образом, в отношении инфраструктуры, обеспечивающей исследования России и всего посткоммунистического пространства, можно отметить, что, с одной стороны, уменьшение спроса на исследования региона и соответствующее сокращение финансирования сделали проблематичным осуществление научных проектов, для реализации которых были сняты политические барьеры. В то же время созданная в годы холодной войны инфраструктура, подвергшись незначительным изменениям, доказала свою жизнеспособность. В 2000-е гг. продолжают создаваться новые исследовательские центры, и будущее «российских и восточнославянских исследований» в США кажется гарантированным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bonnel, V. E. Soviet and Post-Soviet Area Studies / V. E. Bonnel, G. W. Breslauer // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley). 1998. — Режим доступа: http://repositories.cdlib.org/iseees/bps/1998_03-bonn.*
2. *History. The Harriman Institute. — Mode of access: <http://www.harrimaninstitute.org/about/history.html>.*
3. *Американские советологи: справочник: сост. Я. А. Блинкин / Академия наук СССР; Институт научной информации по общественным наукам. М., 1990.*
4. *Некрасов, А. А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: дис. ... д-ра ист. наук / А. А. Некрасов. Ярославль : Ярославск. гос. ун-т, 2001.*
5. *Рибер, А. Изучение истории России в США / А. Рибер // Исторические записки. № 3 (121). М., 2000.*
6. *Российские и украинские студии в системе славистики США. — Режим доступа: <http://www.victoria-history.net/проекты/центры-россиики-и-украиники/>*
7. *Рубл, Б. Прямота не всегда плохо / Б. Рубл // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2008, № 1. — Mode of access: <http://www.intertrends.ru/four/007.htm>*
8. *Симонова, И. Чарльз Р. Крейн как вдохновитель и спонсор покупки колоколов Данилова монастыря для Гарварда / И. Симонова. — Mode of access: http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/bellscoming/charlz_krejon_kak_vдохновitel/*
9. *Сифф, М. Американские специалисты обсуждают вопрос российских денег в США: в какой степени наплыв российских денег может использоваться для покупки влияния в Вашингтоне / М. Сифф. — Mode of access: <http://www.inosmi.ru/translation/224893.html>*

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

В статье рассматриваются история и актуальные проблемы «российских исследований» в Соединенных Штатах Америки. Особое внимание уделяется факторам, обусловившим научные исследования России в США, вехам в развитии американского россиеведения и его перспективам. Автор рассматривает динамику развития россиеведения в США, подчеркивая, что наиболее интенсивно «российские исследования» проводились в годы холодной войны, в то время как с 1990-х гг. дисциплина испытывает недостаток в финансировании, а научный интерес к России заметно снизился.

The article deals with the history and contemporary problems of the «Russian studies» in the United States of America. The special attention is paid to the factors that stipulated the scientific exploration of Russia in the USA, to the milestones of the «Russian studies» and to their perspectives. The author scrutinizes the dynamics in the development of the «Russian studies» in America and stresses that the most intensively «Russian studies» were carried out in the period of Cold war while since the 1990s the discipline has suffered from the lack of money and the scientific interest to Russia has declined.